

Армас МИШИН

г. Петрозаводск

«ЗУЗУЖКА ОЛОЖУА»

(К 80-летию Владимира Брендоева)

Литературное творчество на карельском языке имеет более чем столетнюю историю. Были пробы писать по-карельски в конце XIX века (Мирон Смирнов), были даже первые книги (Анти Тимонен, Федор Ивачев, Ийво Никутьев и др.). Талантливо начал писать на ливвиковском диалекте Федор Исаков. Война оборвала его жизнь в 1941 году. Олонецкий карел Владимир Брендоев оказался первым профессионально работающим в карельскоязычной литературе человеком; выпустил шесть книг (пять стихотворных и одну прозаическую).

К первым публикациям стихов Брендоев шел долго. Напечатал первые стихи в 1972–1973 годах, когда ему уже было за сорок. К публикации брендоевских стихов в 1973 году в журнале «Пуналиппу» («Карелия») я имел прямое отношение.

В годы работы в Институте ЯЛИ Карельского филиала Академии наук СССР у меня были хорошие отношения с языковедом Григорием Макаровым. Я редактировал русскую часть его сборника карельских пословиц. Однажды он обещал показать каре-

люязычные стихи некоего капитана рыболовного судна, который тогда находился в рейсе где-то чуть ли не у исландских берегов. Осенью 1972 года стихи были у меня в руках. Удивило то, что они не были стихами начинающего. Размер, рифмы – все было на месте. На вопрос Макарова: «Стихи ли это?» я ответил: «Да, это стихи. Я отнесу их в журнал «Пуналиппу» Николаю Лайне». Стихи напечатали. Правда, через год. С 1977 года публикации стихов и переводов Брендоева в журнале стали постоянными. И уже в 1980 году выходит первый его сборник «Край мой олонецкий».

Рукопись этой книги В. Брендоева обсуждалась на секции переводов в Союзе писателей Карелии. Ведь немалую долю в ней занимали переводы стихов Лермонтова, Никитина, Есенина, Гамзатова и других поэтов. Секция рекомендовала книгу к печати. Поскольку в послевоенные годы книги на карельском языке не выходили, перед Брендоевым стала проблема, каким алфавитом воспользоваться, латиницей или кириллицей.

Каждое стихотворение сборника Брендоев решает публиковать на латинице и на кириллице. Уже этот опыт показал, что латиница более подходит для карельского языка, близкородственного финскому. Следующую свою книгу «Горячая забота» (1983) поэт выпускает на латинице.

Малая родина Владимира Брендоева – Самбатукса Олонецкого района. Здесь он родился 6 сентября 1931 года. Окончил Беломорское мореходное училище. В 1956 году, как рассказала журналистка Ольга Покорная в газете «Ома муа», сестра поэта нашла в Куйтежской библиотеке «Сказку о царе Салтане» Пушкина в переводе на карельский язык Ф. Ивачева и показала Брендоеву. Тот пришел в восторг, у него вырвалось: «Я стану карельским Пушкиным». Оказывается, карельский язык вполне пригоден для сочинения стихов. А он их уже писал на русском языке.

Выход в свет двух книг Брендоева стал событием не только для Карелии, но и для нашей большой страны. Как заметил финский поэт Аку-Киммо Рипатти в газете «Калева» 26 октября 1990 года в отклике на смерть поэта, «он стал создателем семьдесят девятого литературного языка СССР». Конечно, это преувеличение, но весьма близкое к правде. Брендоев дал самый мощный толчок для развития карельского литературного языка. Стихи поэта, писавшего на ливвиковском диалекте, впервые печатались в российских газетах наряду с теми поэтами, кто писал на финском языке. Стихотворение «Строгий ветер» в моем переводе появилось в газете «Советская Россия» 24 января 1980 года. 24 апреля 1981 года я представил российскому читателю стихи Брендоева в «Литературной России». И не впервые ли 19 ноября 1980 года звучали в Центральном доме литераторов имени А.А. Фадеева в Москве стихи Сергея Есенина в переводе на карельский язык в чтении Брендоева?! Переводы были встречены бурными аплодисментами. Из зала выкрикивались русские названия есенинских стихов, настолько точно переводчик передал интонационно-синтаксические особенности стиха великого поэта. Это было признанием Владимира Брендоева в большой семье российских поэтов и российских народов.

Славу свою он нес просто, без всякого выпячивания самого себя. Да и обликом своим он не был похож на поэта. Невысокого роста, полный, с легкой отдышкой, он и стихи читал без всякого нажима на слова, естественно, как говорил.

С 1983 года наши встречи с Владимиром Брендоевым участились. Он стал работать в Институте

ЯЛИ. Разговоры о литературе, о поэзии в длинном институтском коридоре ему явно были по душе. А потом, когда мы оба перешли под крышу Союза писателей Карелии (он возглавил Литературный фонд при СП Карелии), иных тем для разговоров и быть не могло. Нередко утром он клал мне на стол свои новые стихи и уходил к себе, давая возможность их прочитать.

Я переводил много стихов Брендоева. Переводы публиковались в журнале «Север», в еженедельнике «Литературная Россия», в республиканских газетах. Не помню, чтобы у него были претензии к моим переводам. Я ездил с ним в Олонец, к вепсам в Винницы. Был свидетелем того, как вепсы слушали ливвиковские стихи, принимая его за своего поэта.

Только в наши дни я отметил, что Брендоев меня никогда не переводил. Из поэтов-северян переводил Рубцова, Костина. Объяснение на поверхности. Того народного духа, той простоты и напевности, которые ему были близки, у меня он не находил. А я, переводя стихи Брендоева, обогащал свое творчество фольклорными мотивами и формами народной речи. «Неслыханная простота» наилучшим образом выразилась в карельской литературе именно в творчестве Владимира Брендоева. Это отмечали финские поэты Матти Росси, Аку-Киммо Рипатти и ученый-языковед Пертти Виртаранта.

Все свои книги поэт посвящал родному краю. Отсюда и названия их, так или иначе говорящие о любви к олонецкой земле: «Anusrandaine» («Край мой олонецкий» (буквально «Бережок Олонки»), «Hiilau huoli» («Горячая забота», забота о родной земле, деревне, семье), «Kadajikko» («Можжевельник», символ крепости духа карельского народа), «Sa olet armas» («Ты мне мила»). Даже у детской книги стихов название было «корневое» – «Sana, kulttu muamansuus» («Слово, услышанное из уст мамы»). Проза Брендоева фольклорна по своему духу, полна юмора («На постое», 1990).

Переезд Владимира Брендоева на родину за несколько лет до смерти был связан не только с его тоской по родным краям, но и с семейными обстоятельствами. Со своей первой женой, с которой развелся, он был вынужден жить в маленькой квартирке в пятиэтажном доме недалеко от гостиницы «Лососинская». Два человека, ставших друг другу чужими, на одной площади – о какой творческой работе может идти речь? Видимо, это был 1986 год. В Москве проводились два мероприятия: встречи в Союзе писателей и выступления наших фольклорных групп. Накануне поездки

Володя обратился ко мне с совершенно неожиданным предложением: «В олонцеком хоре будет выступать одна женщина. Я ее покажу тебе. Если тебе понравится, я на ней женюсь». Женщина понравилась: она красиво пела, выделялась своей жизнерадостностью, даже веселостью. Скоро поэт переехал к ней в Олонец. Оказывается, Мария Николаевна Няккоева была первой любовью Брендоева. В квартире Брендоевых, что находилась в доме, где располагается библиотека, ныне носящая имя Владимира Брендоева, гостей всегда встречали с открытой душой, с карельским гостеприимством, с пением, игрой на мандолине и гармонии.

В 1986 году у Брендоева вышло две книги: «Можжевательник» и «Aunusrantaseni» (Оулу, Финляндия), переведенная на финский язык Аку-Киммо Рипатти. Рядом с переводами напечатаны оригиналы. Переводы Рипатти – это скорее подстрочники, передающие содержание оригиналов. Только отдельные строфы и строки художественно близки к фрагментам брендоевских стихов. Самое ценное в этом издании – предисловие переводчика. Аку-Киммо Рипатти называет карельского поэта «мастером ритма и рифмы» и совершенно справедливо продолжает: он «не делает метрику и рифмы, они приходят к нему сами, естественно как дыхание». Естественность этого дыхания вызывалась глубиной любви поэта к Олонцу. Сквозным символом этой любви в творчестве Брендоева является песня кукушки. Самого поэта в Олонце называют «Кукушкой Олонца». Вспоминаются строки поэта:

*Мне бы к матери-старушке.
Мне бы хлеб ее да соль.
Мне б услышать песнь кукушки –
С сердца вон любая боль.*

Владимир Брендоев и его поэзия продолжают жить в его книгах, выпущенных при жизни поэта и после его смерти, в ежегодных праздниках в Олонце, посвященных ему, во многих песнях на его слова, в частности, в песнях Евгения Шорохова. Народ любит и помнит своего певца.

Владимир Брендоев

*«Мне б услышать
песнь кукушки...»*

*Перевод с карельского
Армаса Мишина*

* * *

Мне любви можжевательники и скалы,
Озера и леса земли моей.
Каким бы ни был хворым и усталым,
Я оживаю средь родных полей.

Мне край мой дорог золотом осенним,
Холодные дожди, и те по мне.
В одежде снеговой под небом серым
Родная сторона мила вдвойне.

В простых нарядах, скромных украшениях
Среди зимы невестою она
Великое хранит многотерпенье,
Забот безотлагательных полна.

Мне люб мой край крутой мужской работой,
Той, что за смертью продолжает жить,
Пленя красотой своей добротной,
Готовой людям с пользою служить.

Морей и стран я повидал немало,
Чужие города меня влекли,
И странствовать по свету не устала
Душа. Но что милей родной земли?

НА РОДНОЙ СТОРОНКЕ

Тот о «роге изобилья»,
Тот — про «птичье молоко».
Ну а мне бы край мой милый
Да родное озерко.

Мне бы к матери-старушке.
Мне бы хлеб ее да соль.
Мне б услышать песнь кукушки —
С сердца вон любая боль.

Мне б друзей рукопожатье,
Озеро синей небес.
Вот и ожил бы опять я
Без придуманных чудес.

Мне бы там, в бору сосновом,
Вновь услышать дятла стук,
А не топора тупого,
Все крушащего вокруг.

Мне бы слышать плеск лосося,
Видеть родины простор,
Высоту родимых сосен,
Чистоту родных озер.

Что судьба мне ни отмерит,
Все приму, но с тем одним:
Мне бы мой любимый берег,
Небо чистое над ним.

ВОСПОМИНАНИЯ СОЛДАТА

Тратил силы — не жалел.
Жил — не крохоборничал.
Много знал я всяких дел:
Лес валил и плотничал.

Мчался стоя без багра
На бревне стремительном.
Горд был песней топора
На лесах строительных.

Испытаний час настал
И увел из дома.
Но и там топор стучал
Среди дыма, грома.

Ливень бил — горюч, свинцов —
Спереди и с тыла...
Сколько я воздвиг мостов,
Выложил настилов!

Роя носом землю, знал:
Я еще потопаю.
Был убит, а видишь, встал,
Встретился с Европою.

Был со смертью уговор:
Рановато в саван,
Пусть стучит он, мой топор,
До Победы самой.

По работам полевым
На войне соскучился.
Я пришел к полям своим
Прямо в лето жгучее.

Вместо батькиной избы
Пепелище встретило.
Выдержал удар судьбы,
Но болит отметина.

Сколько на земле домов
Поднял этот парень!
Сколько кряжистых стволов
Распилил, упарен!

Молодые знать должны,
Как всю жизнь потели мы,
Как все тяжести войны
Вместе одолели мы.

На руках переплелись,
Как веревки, жилы.
За спиной — большая жизнь.
На исходе силы.

На душе не тот огонь,
Поугас в заботе,
Но крепка еще ладонь,
И топор — в работе!

В ДОЖДЬ

«А дождь не кончается,
Дождь поливает.
Откуда берется?
Ведь пуст небосвод!»
Старуха на стол самовар поднимает,
Из места укромного чай достает.

«Ну как тут работать!
Погода такая,
Что только чаевничать!»
Капает пот
Со лба старика
(Аж ручьями стекает!),
Как будто он против теченья гребет.

Сверкает, красуется медный поилец
И углями пышет, клокочет, пыхтит.
Копешка уже на столе появилась
Из косточек рыбьих.
Растет аппетит.

«Не купишь и не угадаешь погоду.
Эй, кошке снеси-ка провизию, мать! —
Старик режет хлеб. —
Сам вокруг огорода
Я выкосил сено.
Вот в стог бы сметать!..

А что молодые?!
Как будто при деле.

Но нету сегодня и кошки у них.
А, вишь ты, здоровы,
И бабы их — в теле.
Им сена не нужно.
Забот никаких.
Не будит хозяев петух среди ночи.
Хозяйки на поле не падают с ног.
Подойник сменился давно
На бидончик.
Как кура-несушка для них —
Кошелек.

Лишь держимся мы, старики, за корову.
А это — работа.
Ей сена положь.
Валяется только свинья на полове.
А что же для гостя на стол понесешь?
Изба без коровы — как баня без пара.
Смывается грязь,
А вот хворь... глубока!
Корыто в доме городском без угара,
Но веником там не похлещешь бока.

Нет, жизнь не скроить по колодке единой.
Деревню и город судьба развела.
Ведь как не для города
Куры, скотина,
Так грохот и копать —
Не для села».

* * *

О северный край мой, где белые ночи.
Где синие ламбы — плыви да плыви.
Где скудные нивы, где лето короче
Девичьей печали, девичьей любви.

Где словно подарок мне каждое утро,
Где шапки на соснах — с небес облака,
Где в рощах кукушка кукует, как будто
Тебя приласкала родная рука.

О край мой родной, каменистый, суровый.
Всегда ты прекрасен и мил для меня,
Прославлена сказкой, и делом, и словом,
Живи в моем сердце, родная земля.

* * *

Береза у крыльца родного,
Я без тебя заболеваю.
Тебя увижу лишь — и снова
О всех недугах забываю.

Приехать под родную крышу,
Попить из родника водицы,
Кукушку звонкую услышать —
Как бы живой водой умыться.

О серый камень у жнивья,
Ты для меня всего дороже.
Хоть много пота пролил я,
Тебя я не ругаю все же.

ОЛОНЕЦ

Берег мой,
Сосняк прямой,
Озеро, река, болото.
Всюду был,
Но полюбил
Только этот край за что-то.

Вон дома
Бегут с холма
До моей реки незвонкой.
Вновь твою
Я воду пью
И тебя пою,
Олонка.

Мой народ
Из рода в род –
Мастера, умельцы ладные...
Валят лес
И до небес
Ставят избы аккуратные.

В Олонец –
Как под венец.

В жены здесь найдешь красавицу.
Заживешь –
Не пропадешь.
Олонец тебе понравится.

Здесь хлеб-соль,
Здесь радость-боль
Все с тобой разделят надвое.
Всем, что есть,
Накормят здесь
Гостя в Нурмойле
И в Наннуле.

В доме – гость,
И добрый тост
За него поднимут радостно.
И пирог
Предстанет в срок
На скатерке свежей праздничной.
Пирог
Вкусны, сладки
На равнине на олонцкой.
Все отдашь
За говор наш –
Он навек тебе запомнится.

НА ЛАДОГЕ

Плещется Ладога – синее море,
Лодку, как зыбку, волнами качает.
Мне по душе эти летние зори,
Белая пена под крыльями чаек.

Солнце в озерную зыбь опустилось.
Но не кончаются птиц перезвоны.
Звездочка ярко в воде отразилась,
К берегу медленно катятся волны.

Плещется Ладога – синее море.
Ласково берег волной обнимает,
Тихо прибрежные камушки моет,
Скалы родимые обмывает.

Ладога, здравствуй! Мы встретились снова.
Путь до тебя прошагал я неблизкий.
Брызги в лицо мне летят, словно искры.
Радостно мне у порога родного.